

The background of the cover is a watercolor illustration. It depicts a woman in a long, flowing red dress with a black bodice, seen from behind. She is holding a wand in her right hand, from which a stream of golden sparks or magic is falling. The scene is set against a warm, orange and yellow background, possibly a sunset or a magical realm, with silhouettes of bare trees and a large, glowing orb in the sky.

ПОЛИНА ГРИНЕВИЧ

АКВАРЕЛЬ ЖИВЫМИ ЦВЕТАМИ

16+

Полина Гриневич

Акварель живыми цветами

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гриневич П.

Акварель живыми цветами / П. Гриневич — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Молодая художница получает приглашение от загадочного незнакомца написать его портрет в загородном доме. Помогут ли ее магические способности выполнить заказ и устоять перед чарами, которыми пропитан дом? Какие тайны хранят картинная галерея и библиотека? И наконец, кто он, этот незнакомец? Произведение входит в цикл "Власть стихий". Обложка изготовлена с использованием стоковых фотографий.

Содержание

Пролог. У зеркала	6
День первый. Интерес	7
День второй. Знакомство	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

*Это только кажется, что за всё платят деньгами.
За всё действительно важное платят кусочками души.
Ошо*

Прощай. Все нити от
Ненастья оборвала бессилием
Так резко, взмахом клинка
К свету, рассекая искрами
Запекшейся от боли тьмы,
Как вздох, как ощущение
Возможности познать.
Где все, что снилось, с тобой
Всю нежность
Движением одним отринув
Навзничь, как в смятом платье,
Лишь пламя на ладонях
Оставила,
Напоминание, вкус поцелуя,
О тебе, чтоб навсегда
Забывать.
... И не забывать

Пролог. У зеркала

Я провожу много времени у зеркала. Просто сижу и смотрю. Вглядываюсь в ту девушку, которая отражается там. Кажется, я уже знаю себя наизусть, каждая черточка, каждый нюанс, все мне знакомо. Но иногда у этого холодного стекла я застываю и не могу понять, словно кто-то еще выглядывает из-за моего плеча. Тонкий, необыкновенный профиль, еле заметный. Словно резкость немного вдруг исчезает, и тень у меня за спиной приобретает более реальные, живые очертания. После этого можно вглядываться в этот неуловимый, мерцающий силуэт, видимый даже в сумерках, сколько угодно долго. Может, это тот я, что когда-то, возможно, на самом деле существовал в этом мире. Может быть. Но сейчас я пытаюсь убедить себя, что на самом деле это не так. Я всегда была я. И меня звали только Инга. Это правда, но кто тогда нарисовал все эти картины, которые сложены лицом к стене там, далеко, там, где я уже давно стараюсь не бывать. В том месте, которое существует, однако, как и весь этот странный, переменчивый мир.

Андрэ как-то обмолвился, что я не очень похожа на ту женщину, которую он видел тогда в баре. Я знаю, что он прав. Ведь я тоже видела ее тогда, и раньше, среди огня, затопившего ярмарочный павильон. Я вижу ее сквозь время и сквозь охваченную огнем накидку, которой несчастная гадалка хотела скрыть от меня мое предназначение. Возможно, мечта той необыкновенной женщины исполнилась, и я стала той, кем должна была стать. Я принесла в этот мир ее огонь, и этот огонь живет во мне, в каждой клетке, в каждом движении тела, в каждом вздохе, в каждом отблеске потрясающих мою душу эмоций.

Теперь я несу свой огонь в этот мир. И, наверно, этот мир будет удивлен.

Мир, который подарил мне одну жизнь, чтобы потом заменить ее другой, и оставил напоследок еще и этот призрачный силуэт в зеркале, как странный намек, как ожидание, как чудо, которое ждет впереди.

Как портрет, который мне еще предстоит написать.

День первый. Интерес

Лес был необыкновенный, зачарованный. Деревья застыли в странной тишине белоснежные, не столько присыпанные снегом, сколько скованные необыкновенным льдом. Даже снег под ногами не скрипел и только поблескивал в ярком свете. Тени падали так, что она не могла понять – сейчас день или ночь, но в свете точно не было теплоты. Это был просто свет. Она сделала несколько неуверенных шагов, отодвинув ветки в сторону. Динь-динь-динь. Еще шаг, и снова. Динь-динь-динь. Звук сталкивающихся между собой льдинок.

Еще шаг, и перед ней предстал источник света. Засыпанная снегом поляна, а посреди, как будто не касаясь земли, распустился экзотический цветок. Свет как будто рождался внутри необычного растения, пульсировал, становился ярче или бледнее, словно набираясь сил. И через секунду вспыхивал новой вспышкой: красной, голубой, зеленой.

Она приглядывалась к этому сиянию некоторое время, не решаясь сделать шаг. "Неужели нашла?" Еле уловимый шепот за спиной заставил оглянуться. Куда исчезла эта необыкновенная белизна? Девственная чистота леса исчезла, и на ее место пришло странное мельтешение полутонов. Белый, серый, белый, серый. Черный, еще чернее. Деревья по краям поляны словно сдвинулись с места, а за ними как будто затаилась тьма, уже непроницаемая свету цветка.

Да, это, конечно, был цветок, это название подходило для него лучше всего. И он был не для "него". Это она знала точно. Нужно было просто решиться, и тогда ей ничего не могло помешать.

Шепот за спиной становился все громче, и тьма уже почти наступала ей на пятки. "Лишь бы лед выдержал, не провалился. Он такой тонкий. Обманчивый".

Девушка торопливо сделала еще несколько шагов, и с каждым следующим вспышкой света становились все ярче. Цветок уже просто пылал яростным огнем. Она протянула руку и на секунду заколебалась. "А как же он?"

Холод за спиной словно уловил ее колебания и коснулся спины, а затем попытался пробраться под одежду, тысячью иголок впиваясь в руки и ноги, пытаясь добраться до сердца. В ее сердце тоже было место для этой темноты, но не для холода. Теперь она это точно знала. "Так будет лучше для него. Для нас".

Она протянула руку и сорвала цветок. И все вокруг залила ослепительная вспышка.

Вчерашний день был чертовски приятный. Чертовски. Никогда, никогда ей не удавалось устроить персональную выставку. Никогда раньше. Так, во всяком случае, ей казалось. Иногда у нее случались странные провалы в памяти. Хотя, почему странные? Странная судьба, невообразимая для других, доставшаяся ей, возможно, таким образом берегла ее от излишних стрессов. Отсутствие воспоминаний, вероятно, было лучше навязчивого возвращения к тому, что уже не могло произойти. Лучше, если воспоминания этого другого человека постепенно вообще исчезнут, а на их место придут другие. Но если это и происходило, то очень медленно. А жить необходимо было сегодня, сейчас. Нужно было искать свое место в жизни и зарабатывать на эту жизнь.

Когда Инги был популярен, его это не интересовало совсем. Он только рисовал. Писал портреты один за другим и больше не успевал ничего. Жизнь в пределах студии от одного образа к другому, среди слов восхищения и вздохов благодарности, иногда вскриков. Больше ничего не было нужно.

А потом, в театре, ему совершенно не хотелось рисовать. И то, что он так преуспел в своем "творчестве", сейчас заставляло только сжиматься сердце. Волшебное искусство. Чудо творения. Из той, прошедшей, как наваждение, жизни не осталось ничего: ни наброска, ни эскиза. Может быть, это было хорошо. Наверно, наверняка хорошо.

Теперь же она рисовала для себя. И ее работы никого не интересовали. Нет, портреты, которые она писала на заказ, нравились. Люди платили за них с удовольствием. Но вот другое...

Возможно, она опасалась, опасалась самой себя, своих возможностей, которые, не исключено, затаились где-то внутри, на самом дне души в ожидании получить шанс выплеснуться наружу в поисках возможности проявить себя по-настоящему.

Ведь она могла это сделать и даже пыталась неосознанно использовать несколько раз. Хотя бы чуть-чуть, подправить. Этот соблазн и борьба с ним были невыносимы. Знать, уметь использовать и просыпаться в ужасе, когда оставался только один шаг. "Чем же я буду отличаться от них?"

Конечно, эта сила могла действовать по-другому, и однажды ее заставили использовать ее. Она смогла. Сделала все хорошо, прекрасно. Но это только усилило страх.

Это чувство, оно мешало. Ведь глубоко внутри Инга знала, как могли выглядеть ее картины, если бы она разрешила себе делать то, чему научилась.

Все изменилось в один момент. Звонок из австрийской компании Vernissage застал врасплох. Поступило предложение принять участие в небольшой выставке совместно с молодыми художниками из балканских стран. Она, конечно, согласилась, и не зря. Впрочем, какой художник мог отказаться от такой возможности? Тем более художник без имени и без прошлого.

Нечто невероятное было в этом приглашении. Нечто странное. Но все прошло замечательно. Было много посетителей, много гостей. Ее работы хвалили. Нашелся даже автор, который писал большую статью в интернете несколько лет назад о творчестве Ингварда. И вот он был удивлен. Хотя... Он сказал, что стиль явно узнаваемый, живой и теплый, но теперь в картинах появилось больше экспрессии.

– Вы знаете, Инга. Я не был с вами знаком ранее, но мне всегда казалось, что вы мужчина. Уж извините меня за такую нелепость. А что касается вашего творчества, то теперь в ваших образах появилось больше энергии, огня. Но они, безусловно, так же прекрасны, как и раньше.

Журналист пообещал написать большую статью и даже успел задать несколько вопросов, от которых Инга почувствовала себя неудобно. Она не знала, что отвечать. Ведь на самом деле у нее не было прошлого. Она и с настоящим-то не определилась до конца. Ее жизнь была словно книга, которую начали писать с середины.

Некоторые посетители интересовались, возможно ли купить ее картины. Другие хотели заказать у нее портреты. Посетители делали записи в книге почетных гостей, фотографировали. С каждым часом настроение у нее все более улучшалось. Так же как и у Андрэ, который взял на себя все чисто организационные вопросы. Она с неосознанной завистью смотрела, как музыкант внезапно почувствовал себя в этом водовороте лиц как рыба в воде. Куда подевалась его обычная неуверенность и отстраненность?

В последний день к ней обратился представитель фирмы устроителя. Они были довольны. И даже очень.

Персональная выставка! Хотя и непродолжительная, но персональная. Может быть, для Ингварда это предложение и не было бы чем-то особенным, но для нее... Неожданным, как и известие о том, что две работы приобрел неизвестный меценат. Это уже были не разговоры, пускай и предметные, и это было очень, очень кстати. Можно будет пополнить гардероб и даже переехать в другую съемную квартиру, получше.

И еще. В самом конце молодой человек, представитель выставочной фирмы, передал ей письмо. Письмо в красивом конверте из плотной светло-голубой бумаги.

Само по себе это было необычно. На конверте ее имя и фамилия были написаны красивым каллиграфическим почерком. Содержание заставило задуматься.

"Дорогая Инга!

Вы, безусловно, лучшая из художниц-портретистов, с творчеством которых я познакомился за последние несколько лет. Для меня посещение вашей выставки явилось необычайно

приятным сюрпризом. Я приобрел две ваших картины для своей небольшой коллекции, которую собираю уже достаточно давно. С удовольствием познакомлю вас с ней, если вы будете любезны принять мое деловое предложение.

Мне бы хотелось, чтобы вы написали мой портрет. С удовольствием приму вас в своем небольшом имении недалеко от Мюнхена. Поверьте, у нас здесь очень красиво.

К сожалению, я очень ограничен во времени. Жду вас буквально в ближайшие два-три дня. Надеюсь, ни вы, ни я не будем разочарованы.

Ваш

Бенедикт Бахман"

В конверте также находилось два экземпляра контракта. Сумма гонорара заставила ее нахмуриться.

Кто же этот Бенедикт? Возможно, она даже разговаривала с ним здесь, на вернисаже. Она попыталась припомнить всех, с кем беседовала за последние дни, и в досаде pokrutila головой. Нет, невозможно! Человек приобрел две ее картины, а она даже не знает, как он выглядит! И выбор он сделал достаточно странный. Случайные портреты, написанные по наброскам, сделанным на бензозаправочной станции. Конечно, фигуры девушек получились достаточно живые, летящие, словно на крыльях ветра, экспрессия словно слегка смазанного образа. Живые девушки. Но ведь они и были живые, наполненные жизнью и красотой. Ей даже ничего не надо было добавлять, только передать, донести живое с помощью неживых красок до живых зрителей. Но, пожалуй, краски тоже были живыми. В ее руках. И портреты, они заслуживали, чтобы нести эту жизнь кому-то, жизнь, которой становилось больше.

Инга поймала себя на том, что улыбается, глядя непонятно куда, в пространство, мимо молодого человека. И все-таки ей было очень интересно, какой он, автор письма, и почему ее творчество так его привлекло.

– Да, конечно, я согласна. Передайте герру Бенедикту, что я готова приехать, как только это будет необходимо.

– Завтра.

Она с удивлением обернулась. Что имеет в виду этот...

– Что завтра? Что вы имеете в виду?

– Герр директор просил передать, что машина будет ждать завтра утром в указанное вами время. Адрес известен водителю. В случае необходимости он вам перезвонит.

– Но я еще не разговаривала с моим другом. И вообще не уверена...

– Разве? Кстати, меня зовут Отто, и я уверен, что мы еще увидимся.

– Ну хорошо, Отто. В десять можно? Вы понимаете...

Молодой человек кивнул, развернулся и направился к выходу, оставив ее стоять в растерянности с бумагами в руках. Отто исчез из виду, оставив только легкую тень, неуловимое воспоминание, словно быстро тающую дымку из прошлого.

Она старалась понять, что же в этом было такое странное, холодок, который она прочитала в его глазах, сами глаза как будто знакомые. Она вдруг почувствовала, что в комнате словно действительно похолодало. Люди как будто старались держаться от нее дальше, чем прежде, и листы бумаги, которые они держала в руках, они словно побывали на морозе и совсем не хотели становиться теплее в ее руках, а наоборот, пытались передать эту запечатленную в себе стужу ее пальцам.

Художница огляделась в поиске места, куда можно было бы отложить странный документ и присесть, чтобы собраться с мыслями. Все-таки этот Отто, он будто бы был знаком, но в то же время она была уверена, что никогда не встречала его.

"Жаль, Андрэ не участвовал в нашем разговоре, он разбирается в людях лучше меня". Инга вздохнула, возможно, она поспешила дать согласие, но все-таки какой он, этот герр Бенедикт?

– Ого! – она не заметила, как подошел ее мужчина, как он забрал у нее бумаги и сейчас уже бегло посматривал контракт. Она словно была немножко не в себе. Почему, что случилось? Инга не знала. Знала только одно.

– Андрэ, я завтра уезжаю. По делам.

День второй. Знакомство

Карета неслась, как ветер, среди вспыхивающих по всему небосводу молний. Странная гроза с молниями красного, синего и зеленого цвета, разрезающими небеса поперек. Небо, которое еле виднелось среди вершин, чернеющих по бокам дороги деревьев. Черное небо среди черных деревьев. Что оно есть, можно было понять только при вспышках молний.

Она никогда раньше не видела такой грозы. Или, может быть, просто никогда не путешествовала в грозу. Кучер гнал экипаж, словно мчался наперегонки со стихией. Она не могла понять, куда он так спешил. Удивительно было, что колеса почти не подскакивали на неровностях, дорога была необыкновенно ровной.

Быстрее, еще быстрее. Может быть, он не хотел попасть под дождь, который должен был непременно вот-вот разразиться в такую грозу. Но нет, с неба до сих пор не упало ни капли. Только вспышки рвали беззвездную пустоту подобно взмахам необыкновенных сабель, и ветер завывал, пытаясь угнаться за экипажем.

"Как же кучер видит дорогу в этой темноте?" За нависшей чернотой на небе не просматривалось ни малейших намеков на отблеск луны. Как бы близки мы ни были к дому, и как бы хорошо он не знал дорогу, но это попросту невозможно. Страх на секунду стиснул сердце и разбежался мурашками по спине. А откуда она вообще знает, что дом близок? И чей дом? Девушка попыталась приблизить лицо к окну и рассмотреть хоть что-нибудь, как ослепительная вспышка света вместе с оглушительным раскатом грома заставили ее отшатнуться и вновь забиться в угол.

Наэлектризованный воздух не давал дышать, и в голове билась только одна мысль: скорее бы, скорее бы.

Еще минута или две, еще несколько взрывов белого и голубого так близко, что, казалось, молнии можно было коснуться рукой, и карета резко остановилась.

Буря, словно понимая, что ей не удалось помешать в достижении неизвестной цели, замерла, словно собираясь с силами. Но наступившая глухая тишина, казалось, давила еще больше, чем грохот и завывание ветра.

Она замерла в ожидании. В ожидании чего-то неизбежного, надвигающегося подобно судьбе, предопределенного самим неизбежным ходом событий.

Дверца открылась совершенно беззвучно, и тьма хлынула внутрь кареты холодным потоком, оставляя свои отметины везде, куда смогла только дотянуться. "Как странно, может быть, она живая?"

Остаться внутри было уже совершенно невозможно, невыносимо, и она, стараясь не запутаться в юбках и не споткнуться, попыталась выбраться из кареты.

Ей помогли. Кучер уже ждал и протянул руку в черной перчатке, почти невидимую в темноте, по-прежнему царившей всюду. Шаг, второй, и она уже почувствовала под ногами прочность твердой каменной дорожки.

– Пойдемте, мадам. Он ждет.

Они обогнули карету и оказались прямо перед великолепным, величественным зданием. Она знала, что строение очень красиво, хотя по-прежнему вокруг было очень темно. Стены тянулись вверх и скрывались, прятались в бесконечном мраке. Широкие окна, в которых не было даже искорки света, чернели на фоне белого фасада подобно зрачкам устремленных на нее глаз.

Здание ждало ее вместе со своим хозяином. Но в его холодном безразличии не было надежды, девушка была здесь чужой.

От фасада к самой карете спускались ступени. И на вершине лестницы замерший в наступившей тишине хозяин дома казался гигантом, заслонившим весь мир.

Девушка отпустила руку сопровождающего и поспешила, почти побежала наверх. Она должна была поторопиться, ее ожидали.

Стук каблучков по ступеням оставался единственным звуком среди царившей вокруг тишины. Стук каблучков и ее прерывистое дыхание. Стук сердца.

Он ждал молча, неподвижно, и только подойдя совсем близко, девушка поняла – у него не было лица.

Дорога в компании молчаливого водителя была довольно скучноватой, но совсем не утомительной. Инга, наверно, даже не рассчитывала когда-нибудь прокатиться на Майбахе. А то, что такую машину Бенедикт прислал за нею, оставляло в полной растерянности.

Утром она некоторое время непонимающе оглядывалась, пытаясь среди начавшегося снегопада понять, какая же из стоящих у дома машин ожидает ее. Огромный автомобиль, притормозивший в полуметре, показался досадной помехой, неудобством, случившимся совсем не вовремя. Она непонимающе уставилась на водителя, немолодого мужчину, который попытался забрать у нее из рук сумку с вещами. В костюме, белой рубашке и темно-бордовом галстуке среди густо падающих снежинок он казался пришельцем из другого мира.

Да и сама машина, безусловно, была из другого мира. Ранее она касалась его только самым краем, задевала иногда, наблюдая со стороны гостей, посещающих театр, или еще раньше, с недоумением рассматривающих портреты своих женщин, словно увидев их впервые.

Печальные воспоминания, затаившиеся где-то в дальних уголках сознания, казалось, уже закрытые на множество замков и замочков, давали о себе знать в самый неожиданный момент. У девушки вновь появилось сомнение в том, что она приняла правильное решение. Тень беспокойства заставила тяжело вздохнуть.

– Как вас зовут?

Водитель взглянул на нее с легким удивлением. Теперь она обратила внимание и на его кожу с легким налетом южного солнца, и глаза, которые, казалось, позаимствовали свой цвет у южной ночи, и волосы, в которых легкая седина пробивалась через темнейшие заросли африканской саванны. "Кто он? Не похож на немца. Эмигрант? И на турка тоже не очень похож".

Пауза затянулась. Водитель захлопнул багажник и теперь ждал около открытой дверцы машины. "Может он по-немецки вообще не понимает?"

– Не бойтесь! – мужчина наконец прервал молчание. Он говорил с легким певучим акцентом, но совершенно правильно. – Меня зовут Александр. Герр Бенедикт ждет нас сегодня, прошу, садитесь.

Сиденье больше напоминало кожаный диван. За окнами снегопад, картина, к которой этой зимой начинают привыкать даже здесь. Пелена, занавес реальности. Внутри машины движение совсем не чувствовалось, за окнами мерседеса бесконечно мелькали одинаковые противотуманные барьеры вдоль дороги, и она постепенно задремала.

Проснулась Инга только когда почувствовала, что машина уже больше не движется. Во сне ей казалось, что она едет на спине верблюда в красной дымке неведомой равнины. И корабль пустыни, мерно переступая, увозит ее по странной дороге вместе с оседлавшими других животных наездниками в белых бурнусах.

Она протерла глаза и еле удержалась от зевка. За окнами машины можно было разглядеть белую стену, белую совсем не от снега. Стена была выкрашена совершенно идеально и сохраняла буквально девственную чистоту и гладкость. Ей даже захотелось прикоснуться к этой стене. Возможно, только ощутив под рукой шероховатость поверхности, можно было убедиться, что это не иллюзия. Не бесконечное непонятное пространство, в котором она могла бесследно раствориться незаметно для себя.

– Не удивляйтесь, фрау. Дом действительно очень красивый.

Звук открываемой двери заставил ее вздрогнуть.

– Разрешите мне помочь вам! – молодой мужчина, наклонившись, заглядывал в салон машины и протягивал ей руку. Инга попыталась избавиться от наваждения и, оторвав взгляд от голубых глаз незнакомца, усиленно заморгала.

– Господин Бахман ждет. Разрешите?

Она уцепилась за его руку, как за спасательный круг, и выбралась из машины. "Что со мной происходит?"

Инга совершенно машинально сделала несколько шагов к дому и, протянув руку, замерла в удивлении. Что-то помешало ей коснуться поверхности, шершавой, очень похожей на каменную, но, кажется, обычной, с полосами и небольшими углублениями, совершенно точно отметками времени, перед которым ничего не властно. Сейчас стена уже не казалась ей какой-то странной, конечно, она была сделана из какого-то необычного материала. Но все-таки это была просто стена.

Обыкновенная стена с проемами окон, забранными красивыми коваными решетками. Решетки извивались необыкновенными цветами, тянущими свои стебли вверх и в стороны, раскинув свои цветения по углам, словно между натянутыми нитями. Обычно такие решетки позволяют растениям затянуть, оживить фасад здания. Но здесь растений не было. Просто чистая стена.

Девушка оглянулась и увидела, как Александр уже заходит в дом, держа в руках ее сумки. И когда он только успел?

Белый снег, укрывший землю, словно сливался в нескольких шагах от нее с белизной стены. Она не могла поверить, что просто простояла здесь несколько минут, вглядываясь в это белое пространство. Мужчина крепко сжимал пальцы у нее на руке, а она не отрывала взгляда от двух отпечатков, которые ставили маленькие ножки на снегу. Маленькие отпечатки на пути в пустоту.

– Фрау Инга? – она вновь покачала головой. Никаких отпечатков у шершавой белой стены.

– Да, да. Идем. Кстати, как вас зовут? – мужчина смотрел на нее внимательно, и в его синих глазах она прочитала, где-то на самом дне, неуловимое и неприятное для нее удовлетворение. – Ах, да, извините, я, конечно же, помню. Просто эта дорога...

"Неужели он наслаждается моей растерянностью? Да и растерянность ли это?" Она не первый раз пожалела, что Андрэ не смог поехать с ней. Уж он бы наверняка разобрался, что здесь происходит.

Она уже привыкла в каждой неопределенной, странной ситуации полагаться на своего любовника. Она не отпускала его, не позволяла ему оставить ее даже совсем ненадолго.

Слишком много ее привязывало к нему. Сейчас, когда она уже осознала всю мощь, всю силу своего спутника, она уже понимала, что вряд ли бы решилась попробовать повлиять на него так, как сделала это тогда, в машине.

Как она была наивна и самонадеянна! Но ведь это дало результат. Андрэ даже не подумывал расстаться с нею. Кажется, это было именно так. До сегодняшнего дня.

А ее власть была, кажется, не безгранична. Хотя кто мог справиться с ее огнем, огнем, который таился в глубине и готов был выплеснуться по малейшему велению даже не разума, нет. Достаточно было всплеска эмоций, малейшей... даже не опасности, намек на опасность.

И этот огонь, нет, не этот, другой, тут она даже невольно улыбнулась, этот огонь способен был поглотить Андрэ. И ее вместе с ним. Жаль только, что это случалось нечасто. Все-таки ее мужчина слишком стеснительный для великого мага. Хотя совершенно непонятно, что бы могло случиться, если бы он дал волю своей фантазии. И она вместе с ним. Дрожь пробежала по коже, и вдруг стало очень тепло. Огонь овладевал ею.

– Фрау Инга! – выражение лица мужчины изменилось. Он выпустил руку девушки, и на его лице застыло выражение удивления. А она чувствовала, что он испугался. Испугался ее.

Ингу внезапно бросило в жар, и она наконец направилась к двери, не обращая внимания на поспешившего за ней блондина.

Хозяин ожидал ее в холле здания. Сначала Инга даже не заметила его. Передав куртку встречавшему ее мужчине, который после этого, наконец, оставил ее в покое и молча удалился, она огляделась. Холл был огромный, непонятно как поместившийся в это здание, и светлый, вновь ослепительно белый. Только здесь это была белизна роскоши. Мраморный пол, мраморные стены необычайных оттенков. Среди белизны пола резко выделялись полосы разных цветов, стремившиеся к центру зала и складывающиеся в какой-то замысловатый рисунок. Помещение было залито светом, проникающим через круглое отверстие в потолке.

Две арки открывали проходы в другие помещения здания. Всю противоположную стену занимало панорамное окно, за которым открывался вид в сад, весь в девственной пелене белого снега.

Вся эта бесконечная белизна и снежное сияние слепили глаза, и, сощурившись, она даже не сразу заметила мужчину, стоящего в ожидании чуть в стороне.

Прямо напротив окна располагался небольшой диванчик с невысокой спинкой, конечно же тоже белого цвета, на котором контрастным пятном лежала книга в синем переплете.

А рядом стоял он. И внимательно смотрел на растерянно озирающуюся Ингу. Судя по всему, он ожидал ее уже некоторое время, читая на этом диване, а сейчас просто предоставил немного времени, чтобы совладать с нахлынувшими эмоциями.

Заметив, что девушка, наконец, обратила на него внимание, мужчина сделал несколько шагов и протянул ей руку.

– Добрый день, Инга! Меня зовут Бенедикт Бахман, и я рад видеть вас у себя в доме.

Девушка смотрела на хозяина с нескрываемым любопытством. Он был уже не молод, но его возраст как-то удивительно шел ему. Словно каждый штрих, подчеркивающий опыт прожитых лет, должен был одновременно выполнять функцию, подтверждающую статус этого человека. И в то же время словно намекал, что в данный момент это только маска солидности, необходимая хозяину, чтобы вести дела с такими же серьезными людьми. Но если он только захочет, вся эта благородная седина и легкие морщинки у глаз исчезнут без следа. Ведь глаза этого человека были одновременно и серьезные, мудрые, знающего себе цену хозяина жизни, и словно кипящие жизнью и энергией глаза молодого человека. Так ей казалось.

Их выражение словно менялось каждую секунду. Они будто гипнотизировали, завлекали, затягивали, и она замерла, словно кролик перед удавом, забыв даже подать руку в ответ.

Казалось, что секунду или две Бенедикт наслаждался ситуацией, во всяком случае, она его рассмешила, и хозяин улыбнулся, а затем постарался прийти на помощь девушке.

– Я очень рад, Инга, что вы согласились приехать сюда и выполнить мой заказ.

Она неловко кивнула, оставаясь под влиянием магии этих глаз. И только потом смогла отвести взгляд и, совершенно глупо уткнувшись взглядом в пол, скорее даже в носки спортивных туфель хозяина, протянула свою руку.

Рука мужчины была холодная, как будто он только что сам зашел с морозной улицы. От его прикосновения по коже Инги побежали мурашки, но через несколько секунд это чувство прошло. Бенедикт держал ее уверенно и в то же время мягко, словно давая понять, что хотя они пока и не знакомы, он сделает все, чтобы между ними установились как минимум дружеские, доверительные отношения.

Во всяком случае, она расценила его прикосновение именно так. Теперь холод его руки уже не чувствовался, наоборот, ей показалось, что мужчина переполнен энергией, которая каким-то образом передается ей через это прикосновение.

Совсем уж непонятно почему это испугало и смутило Ингу, и девушка постаралась освободить руку, но мужчина не отпускал. Она собралась с силами и вновь взглянула в лицо Бене-

дикта. В его глазах словно мерцали необыкновенные искорки, хотя, возможно, это были только отблески солнечных лучей, проникающих через стекло прозрачного потолка.

Инга почувствовала, что эта игра, мерцание, вновь завораживает ее, и она забыла о попытках освободить ладонь. Мужчина наконец слегка сжал ее, бережно, но в то же время намекая на всю ту мужскую силу, которая таилась в этом приветствии и была готова в случае необходимости вырваться наружу, чтобы в полной мере заявить о себе. Как будто нехотя Бенедикт отпустил ее таким медленным, текучим движением, словно пытался как можно дольше сохранить ощущение близости или, как минимум, намекая на такое желание.

– Еще раз подчеркну: я рад приветствовать вас у себя, фрейлейн. Надеюсь, вы не очень устали с дороги. Обед у нас несколько поздно, в пять. Такова традиция. Поэтому вы не будете возражать, если я вас попрошу принять мое приглашение и немного прогуляться по дому? О, естественно, только после того, как Александр покажет вам вашу комнату.

Он сделал небольшую паузу и совершенно откровенно окинул девушку взглядом.

– К сожалению, мы незнакомы, но, даже учитывая это маленькое путешествие, могу я надеяться, что вам хватит, скажем, сорок пять минут? Я буду ждать здесь.

И это все? Все, что он хотел сказать вместо обыкновенного приветствия? А она уже ждала чего-то необыкновенного, хотя сама не могла бы сказать чего. Инга хотела ответить что-то дерзкое или равнодушное, но, к своему удивлению, смогла только неуверенно кивнуть. Что же с ней происходит?

Она повернулась и отправилась вслед за водителем, задержавшимся у одной из арок. Перед тем, как выйти из холла, Инга неожиданно для себя самой обернулась. Бенедикт по-прежнему стоял на том же самом месте и внимательно смотрел ей вслед. Улыбка исчезла, но взгляд, теперь серьезный, был всё таким же необыкновенным. Необыкновенно внимательный, необыкновенно серьезный и необыкновенно... необыкновенный.

Весь путь по коридору она прошла словно с закрытыми глазами и пришла в себя только после настойчивого голоса Александра.

– Прошу вас, это ваша комната, заходите.

Она перешагнула порог и чуть не споткнулась о свою сумку. Тихий щелчок двери заставил обернуться, но за спиной никого не было. Александр ушел, оставив ее наедине со своими эмоциями. Очень вовремя. Инга закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Странная это была комната. Совсем без запахов.

Комната? Скорее это можно было назвать апартаментами. Гостиная с диваном, столом и огромным, чуть не в полстены, телевизионным экраном, и спальня, к которой подходило только одно определение – роскошная. Кровать с балдахином, как в кино, туалетный столик, софа, шкаф, всему этому место в музее или в самом шикарном антикварном магазине. Инга подошла и, секунду помедлив, упала на кровать, раскинув руки. Некоторое время она лежала, разглядывая вышивку балдахина, в узорах которой угадывались подозрительные сцены.

Все пространство вокруг было просто залито ярким светом, льющим через огромные окна, выходящие в сад. И все было белым. Все, кроме мебели, необыкновенная красота которой словно манила и притягивала своей темной теплой структурой на фоне белого пространства. На секунду Инге даже показалось, что комната вокруг не существует, что если она сейчас встанет и сделает несколько шагов, то, пройдя мимо этого шкафа, погрузится в сияние и навсегда потеряется в белоснежном тумане.

Как же она будет здесь спать? "С удовольствием", – отозвался внутренний голос, – "я буду здесь наслаждаться жизнью. Я буду наслаждаться жизнью и работой". Почему-то уверенность, что работа здесь принесет ей радость, не покидала ее с того мгновения, как она перешагнула порог этого дома.

Но чего же она разлеглась? Нужно было, пожалуй, торопиться. "Интересно, какая здесь ванная?"

– Этот дом был построен давно, очень давно. На месте другого здания, которое уж точно стояло здесь с незапамятных времен. Здесь всегда было очень красиво, и место для Европы редкое, магическое.

Что-то в голосе Бенедикта заставило ее удивленно повернуть голову. Он говорил так, как будто был свидетелем строительства не только этого здания, что было бы странно, но и того, первого, что было бы совсем невозможно. И хотя слово "невозможно", наверно, уже было неприменимо для нее, но представить себе человека, который прожил столько лет, было сложно. Она вспомнила историю, произошедшую совсем недавно, в которой фигурировали не только обычные люди. "Может, спросить у него?" Хотя те люди тоже были необычные.

Хозяин, казалось, ждал, что она действительно задаст ему вопрос. Он словно выдержал небольшую паузу и чуть склонил голову, глядя ей прямо в глаза.

"Станный он какой-то. Немного". Инга не выдержала взгляда и отвернулась. Что-то было в этом взгляде. Ожидание и какая-то уверенность. Она сцепила пальцы рук и сделала шаг в сторону левой арки, как будто мимовольно направляясь к своей комнате.

– О, да. Вы правы, стоит уже начать осмотр. Должен сказать, что я очень люблю свой дом, и он хранит множество дорогих для меня воспоминаний. Именно поэтому некоторые места я стараюсь сохранять так, как они выглядели раньше, когда их касались хотя бы случайно руки дорогих мне людей, или происходили необыкновенные события, о которых хочется помнить. И о которых иногда стоит подумать.

Она склонила голову и прислушалась. Эта фраза прозвучала достаточно необычно. Может быть, она тоже уже стала частью истории, которая творится прямо сейчас? Коротким эпизодом, который забудут или иногда будут вспоминать, остановившись с гостями у портрета?

Бенедикт стоял, словно погруженный в свои мысли, но, заметив ее движение, снова улыбнулся.

Удивительно, но, несмотря на то, что хозяин дома словно изо всех сил старался соблюдать некую вежливую дистанцию, она чувствовала, ощущала некое притяжение, чувство, как будто что-то внутри затаилось и только ждет сигнала, призыва, чтобы немедленно отозваться, откликнуться и потянуться в ответ.

Инга вновь отвернулась и почувствовала, как кровь прилила к щекам. Определенно, стоять так перед ним, купаясь в его взгляде, было не самым лучшим решением, и она сделала еще несколько шагов, миновала хозяина и направилась куда-то, сама еще не зная, куда они пойдут.

Бенедикт не медлил и спустя секунду уже шел рядом плавной, мягкой, спокойной походкой, задавая темп движения. Теперь ей казалось, что глупо вырываться вперед, но и отставать она не хотела. Мужчина разрешил ее сомнения, уверенно взяв под руку. Так, вдвоем, они миновали арку и направились по белоснежному коридору среди лучей яркого солнечного света, словно вырывающегося сквозь высокие окна, и простенков, где в мягких полутенях висели картины.

Картины необычные, китайских живописцев. Она совершенно забыла обо всем и переходила от одного образа к другому. Несмотря на то, что изображения находились под стеклом и вне прямых лучей света, сразу было понятно, что это подлинники. Однажды она уже посещала выставку древнекитайской живописи в Лондонском музее Виктории и Альберта. Но представить такое количество работ авторов разных эпох в личной коллекции здесь, в Германии, было просто удивительно.

Девушка остановилась перед одной из картин, на которой была изображена группа людей, отдыхающих среди деревьев за столиками среди изогнувшихся хвойных деревьев.

Ей показалось, что изображение, подобное этому, она уже когда-то видела. Хотя, может быть, не саму картину, а детали, лица изображенных людей. Она нахмурилась, все-таки удивительные бывают совпадения, невозможные.

– Хань Хуан. Выдающаяся личность своего времени. Полководец, чиновник и замечательный мастер.

Инга еще раз перевела взгляд на картину. Просто совпадение. И все-таки что-то в тоне мужчины было еле уловимое, недосказанное.

– Вы так думаете?

– Уверен! О его жизни известно многое. Давайте посмотрим другие картины.

Бенедикт вновь решительно подхватил ее под руку и увлек дальше по коридору, практически не давая останавливаться перед многочисленными картинами, и только у самой лестницы в конце коридора она смогла остановиться и рассмотреть необыкновенный пейзаж, развернутый во всю высоту стены, высокий купол вдалеке, среди веток деревьев.

– Это Го Сю. Тоже по-своему интересная личность. Но он жил в другую эпоху. И большинство его работ было утрачено. Человеческая зависть – чувство одинаково отвратительное во все времена.

Инга не выдержала.

– Вы так говорите, как будто знали этих мастеров лично.

Хозяин не ответил, пропустил ее вопрос, словно увлеченный своими мыслями.

– Это фрагмент ширмы из императорского дворца. Все остальное, к сожалению, досталось другим людям. Но это, это у меня. Красивое место, не правда ли?

Теперь Инга уже не знала, что сказать. Эта игра слов и перескакивание с темы на тему. Он явно не хотел отвечать, но почему? И еще, такая коллекция должна стоить огромных денег и охраняться не хуже самых знаменитых музеев, а ее приглашают сюда практически с улицы.

– Идемте дальше. Здесь, в этом крыле, кроме гостевых комнат ничего больше нет. Мы посмотрели только часть коллекции и одно крыло дома, сейчас поднимемся наверх.

Узкая лестница с белыми каменными ступенями вывела их на второй этаж, где, в общем-то, все выглядело почти так же, как внизу. Только коридор был значительно шире, просторнее, и с одной стороны дверей было несколько. Видимо, это были жилые помещения или комнаты отдыха, или что еще может быть во дворце.

Она уже мысленно присвоила название "дворец" этому дому, ведь и второй этаж был прекрасен по-своему. По всей длине коридора в нишах между дверями стояли древнегреческие или древнеримские, здесь она уже не могла сказать точно, статуи, изображающие мужчин и женщин. Сложно было даже на секунду признаться себе, что эти статуи подлинные.

Сомневаться заставляла прекрасная сохранность и их количество. Перед одной из статуй, изображающей воина или героя, она невольно задержалась. Необычайная красота образа нарушалась только явно выделяющимся шрамом, который древний художник не захотел убрать, видимо, по просьбе заказчика, возможно, знаменитого героя или воина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.